

Роль Китая в трансформации международной финансовой системы: интернационализация юаня

Мамаева Ю.А.

Мамаева Юлия Александровна — младший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН).

ORCID: 0009-0007-5424-689X

Для цитирования: Мамаева Ю.А. Роль Китая в трансформации международной финансовой системы: интернационализация юаня // Современная мировая экономика. 2025. Том 3. №4(12). EDN: YYNXBS

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2025-3-4-74-86>

Ключевые слова: интернационализация юаня, международная валютно-финансовая архитектура, международные расчеты, цифровой юань, финансовые технологии.

Аннотация

В статье анализируется роль Китая в реформировании современной международной финансовой системы. Рассматриваются ключевые факторы, способствующие интернационализации юаня, включая экономический рост Китая, расширение торговли и кредитования, развитие инфраструктуры международных расчетов и внедрение цифрового юаня (e-CNY). Особое внимание уделено институциональным инициативам Китая, таким как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Новый банк развития БРИКС, а также системе CIPS как альтернативе SWIFT. Подчеркивается стратегическое значение юаня в рамках инициативы «Пояс и Путь» и в формировании региональных валютных блоков. Анализируются возможности и ограничения интернационализации китайской валюты, включая государственный контроль над рынком капитала, недостаточную конвертируемость юаня и уровень международного доверия к нему. Статья демонстрирует, что Китай последовательно создает условия для превращения юаня в одну из ключевых международных валют, влияющих на формирование многополярной и технологически интегрированной финансовой архитектуры мира.

Введение

Современная мировая валютно-финансовая система находится в стадии структурной трансформации, обусловленной сочетанием макроэкономических сдвигов, геополитических факторов и ускоренного развития финансовых технологий. На протяжении большей части послевоенного периода доллар США сохранял доминирующее положение, выполняя функции ключевой расчетной, резервной и инвестиционной валюты, а также основы глобальной финансовой ликвидности [Eichengreen 2011; Chinn et al. 2024]. Устойчивость доллароцентричной модели обеспечивалась масштабами экономики США, глубиной финансовых рынков и институциональной архитектурой, сформированной вокруг Бреттон-Вудской системы и ее последующих модификаций [Eichengreen 2011].

Вместе с тем с начала XXI в. усиливаются процессы диверсификации мировой валютной системы. Глобальный финансовый кризис 2008 г., а также последующие шоки продемонстрировали уязвимости существующей архитектуры и стимулировали интерес государств к альтернативным расчетным механизмам и резервным активам [Eichengreen 2011; International Monetary Fund 2023]. В этих условиях возрастает значение новых экономических центров, прежде всего Китая, который за последние десятилетия превратился во вторую экономику мира, крупнейшего экспортера и одного из ключевых участников международного кредитования [Drysedale et al. 2017; International Monetary Fund 2023].

Экономическое усиление Китая объективно ставит вопрос о его роли в трансформации мировой финансовой системы. Китай опережает США по объему валового внутреннего продукта, рассчитанного по паритету покупательной способности, и занимает ведущие позиции в мировой торговле [International Monetary Fund 2023]. Однако международная роль китайского юаня остается ограниченной: его доля в мировых валютных резервах по-прежнему значительно уступает доллару и евро [International Monetary Fund 2025]. Это расхождение между экономическим весом страны и степенью интернационализации ее национальной валюты обращает на себя особое внимание и требует более детального анализа.

Цель данной работы — оценка роли Китая в трансформации мировой финансовой системы через призму интернационализации юаня как одного из ключевых инструментов финансовой политики. Для этого рассматриваются этапы интернационализации китайской валюты в контексте эволюции финансовой политики КНР, исследуется роль институциональных механизмов — прежде всего Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития БРИКС, — а также расчетной инфраструктуры CIPS в расширении международного использования юаня. Особое внимание уделяется цифровому юаню (e-CNY) как новому инструменту трансформации международных расчетов. Кроме того, анализируются ограничения и структурные пределы влияния интернационализации юаня на процессы реформирования мировой финансовой системы.

Таким образом, исследование направлено не на констатацию факта роста международного использования юаня, а на выявление качественных изменений в механизмах международных расчетов и финансирования, связанных с финансовой

стратегией Китая, и их значимости для трансформации существующей мировой валютно-финансовой архитектуры.

Этапы интернационализации юаня

Политика Китая по интернационализации юаня носит стратегический и долгосрочный характер, сочетая постепенное расширение роли валюты на международной арене с жестким государственным контролем за финансовыми потоками [Subacchi 2016; Eichengreen et al. 2024]. Эволюция юаня как международного инструмента отражает ключевую стратегическую цель Китая – превращение страны в финансово сильную державу (金融强国) [Subacchi 2016; Drysdale et al. 2017].

Можно выделить несколько ключевых вех в процессе становления юаня как валюты для международных расчетов. В 2008–2010 гг. на фоне мирового финансового кризиса Китай предпринял первые шаги по продвижению юаня на международной арене. Страна стремилась снизить зависимость экономики от доллара и создать инфраструктуру для расчетов в национальной валюте. В этот период были созданы офшорные центры юаня в Гонконге, Лондоне, Сингапуре и Франкфурте, обеспечившие международным инвесторам доступ к китайской валюте вне материка [Subacchi 2016]. Параллельно была введена программа QFII (Qualified Foreign Institutional Investor), позволившая иностранным инвесторам приобретать ценные бумаги на внутреннем рынке КНР. Начала также активно использоваться практика формирования валютных своп-линий с центробанками других стран с целью повышения ликвидности юаня и укрепления доверия к валюте [Siddiqui 2021].

В 2011–2015 гг. юань активно интегрировался в международную торговлю и инвестиционные операции. Расширение международных расчетов сопровождалось заключением новых своп-линий с иностранными центральными банками для обеспечения трансграничной ликвидности [Кузнецов 2017; Siddiqui 2021]. Китай также создал механизм перекрестных торгов Shanghai-Hong Kong Stock Connect, давший иностранным инвесторам возможность напрямую торговать акциями китайских компаний [Subacchi 2016]. Государственные институты поддержки торговли и инвестиций, включая Банк развития КНР и Экспортно-импортный банк Китая, активно способствовали продвижению юаня на международной арене [Subacchi 2016; Drysdale et al. 2017]. Эти меры позволили постепенно повысить доверие к юаню как к расчетной и инвестиционной валюте, создавая основу для дальнейшей интернационализации.

С 2015 г. начинается этап укрепления международной роли юаня, национальная валюта получает официальное признание на глобальном уровне: Международная организация стандартов ISO присваивает ему код ISO4217, а Международный валютный фонд включает валюту в корзину специальных прав заимствования (SDR), что официально закрепляет его статус одной из ключевых мировых валют наряду с долларом США, евро, фунтом стерлингов и японской иеной [International Monetary Fund 2025].

Параллельно создается необходимая финансовая инфраструктура для проведения международных операций в юанях. Появляются международные клирин-

говые центры и платежные системы, среди которых наиболее известной является China International Payment System (CIPS), позволяющая обрабатывать трансграничные расчеты в юанях, сокращая зависимость от SWIFT и повышая оперативность и прозрачность платежей [China International Payments System 2024].

Рост международного доверия к китайской валюте подтверждается интересом центральных банков других стран, многие из которых начинают включать юани в состав своих золотовалютных резервов. Этот процесс демонстрирует постепенное укрепление позиции юаня как расчетной и резервной валюты и отражает стратегическую цель Китая — закрепить роль национальной валюты в глобальной финансовой системе [Subacchi 2016; International Monetary Fund 2025; Drysdale et al. 2017; China International Payments System 2024].

Таким образом, интернационализация юаня происходит постепенно, за счет сочетания рыночных инициатив и институциональных мер. Китай не форсирует процесс выхода валюты на международный рынок, а действует поэтапно, сохраняя контроль за движением капитала и обеспечивая макроэкономическую стабильность [Subacchi 2016; Asian Infrastructure Investment Bank 2025; Drysdale et al. 2017; China International Payments System 2024; People's Bank of China 2022]. Такой подход отражает стратегическую цель страны: не просто расширить международное использование юаня, но и создать предпосылки для трансформации мировой финансовой системы, укрепляя влияние Китая как одного из ключевых участников глобальной экономики [Subacchi 2016; Drysdale et al. 2017; Eichengreen et al. 2024].

Юань в международных расчетах и международных резервах

Согласно отчету Народного банка Китая «Об интернационализации юаня» за 2023 г., финансовое влияние юаня на международной арене непрерывно усиливается. С введением мер по расширению офшорного кредитования отечественными банками, а также выпуску облигаций на внутреннем рынке иностранными институтами условия инвестирования и финансирования в юанях продолжили улучшаться. В 2022 г. общий объем трансграничных поступлений и платежей в юанях от имени клиентов банками достиг 42,1 трлн юаней, увеличившись на 15,1% в годовом исчислении. Из них трансграничные платежи за торговлю товарами составили 18,2% от общего объема трансграничных расчетов в юанях и иностранной валюте. С января по сентябрь 2023 г. объем трансграничных поступлений и платежей в юанях достиг 38,9 трлн юаней, увеличившись на 24% в годовом выражении, из которых 24,4% приходилось на торговлю товарами, что на 7 п.п. больше по сравнению с прошлым годом. В 2024 г. объем трансграничных расчетов в юанях, обработанных банками от имени своих клиентов, составил 64,1 трлн юаней, что на 22,6% больше, чем годом ранее; только с января по июнь 2025 г. общий объем трансграничных расчетов в юанях, обработанных банками от имени своих клиентов, достиг 34,9 трлн юаней, что на 14,0% больше, чем годом ранее. Юань уже стал второй по величине валютой в мире в сфере торгового финансирования и третьей по величине платежной валютой в полном объеме, а также занимает третье место по весу в корзине специальных прав заимствования (СПЗ)

Международного валютного фонда [People's Bank of Cina 2025]. Это является самым высоким показателем за последние годы.

Данные Банка международных расчетов (БМР) за 2022 г. показывают, что объем международных долговых ценных бумаг, номинированных в юанях, достиг 173,3 млрд долларов США, поднявшись на две позиции в годовом исчислении и заняв седьмое место. Аналогично, по данным SWIFT, к концу 2022 г. на долю юаня приходилось 3,91% мирового торгового финансирования, что на 1,9 п.п. больше, чем в предыдущем году, и позволило юаню занять третье место. В сентябре 2023 г. эта доля выросла до 5,8%, что вывело юань на второе место в мировых расчетах, в июле 2024 г. доля юаня на рынке мирового торгового финансирования составила уже 5,99% и в сентябре 2025 г. достигла 7,6%.

Рост международного доверия к юаню во многом обеспечивается расширением офшорной инфраструктуры и созданием валютных своп-линий с центральными банками других стран [Siddiqui 2021]. Эти меры повышают ликвидность юаня за пределами Китая, снижают риски при трансграничных операциях и формируют основу для постепенной трансформации существующих механизмов международного финансирования, снижая зависимость от доллара и создавая альтернативные каналы расчетов. В 2022 г. Народный банк Китая и Валютное управление Гонконга (НКМА) подписали постоянное соглашение о валютных свопах и расширили масштабы фондовых свопов, что укрепило финансовое сотрудничество между материковым Китаем и Гонконгом. С 2022 г. в Лаосе, Казахстане, Пакистане и Бразилии были созданы новые клиринговые банки, способствующие оптимизации зарубежной клиринговой сети юаня. К концу 2022 г. остаток депозитов в юанях на основных офшорных рынках достиг примерно 1,5 трлн юаней, вернувшись к историческому максимуму. Исследование Банка международных расчетов показало, что за последние три года доля юаня в мировых валютных операциях выросла с 4,3 до 8,5 — по этому показателю китайская валюта поднялась с восьмого на пятое место [BIS 2025].

Однако доля юаня в международных резервах остается относительно низкой — менее 3%, в то время как на доллар приходится около 58%, а на евро — около 20% [International Monetary Fund 2025; International Monetary Fund 2023]. В то же время динамика международных расчетов демонстрирует значительный рост доли юаня: по данным SWIFT, в 2024 г. юань занял третье место по объему трансакций с долей 4,6%, уступая лишь доллару и евро [SWIFT 2024].

Рост участия юаня в международных расчетах сопровождается также расширением программ QFII и RQFII, предоставляющих иностранным инвесторам доступ к внутренним рынкам капитала КНР. Это способствует постепенному формированию доверия к юаню как к расчетной и инвестиционной валюте, создавая условия для дальнейшей интернационализации [Subacchi 2016; Drysdale et al. 2017].

Эти процессы показывают, что интернационализация юаня идет сочетанием институциональных инициатив и рыночных механизмов. Создание клиринговой инфраструктуры, валютные своп-линии и финансовые программы интеграции инвесторов позволяют юаню постепенно укреплять позицию в мировой системе расчетов, формируя основу для постепенной трансформации международной финансовой архитектуры.

Региональное измерение интернационализации юаня

Рост роли китайской валюты тесно связан с построением устойчивых экономических и финансовых связей в рамках географически и политически значимых зон. На фоне глобального доминирования доллара Китай активно формирует «юань-блок» — сеть стран, где национальная валюта КНР постепенно становится расчетным и резервным инструментом. Примером служат торговые отношения Китая с Россией, где доля расчетов в юанях выросла с менее 2% в 2013 г. до более 40% в 2025 г. [РБК 2025].

Сходные тенденции наблюдаются в странах Центральной и Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке и в ряде африканских государств, где китайская валюта становится не только инструментом расчетов, но и фактором укрепления экономических связей и политического влияния Китая.

Существенное влияние на интернационализацию юаня оказывают региональные специализированные финансовые институты. Создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АИИВ) в 2014 г., объединяющего более 100 стран, позволило использовать юань для финансирования транспортных, энергетических и цифровых проектов в Азиатском регионе [Asian Infrastructure Investment Bank 2025]. Параллельно действует Новый банк развития БРИКС, ориентированный на многосторонние проекты с применением национальных валют участников, что создает альтернативу традиционным каналам кредитования и способствует укреплению позиции юаня на международной арене [Subramanian, Kessler 2017]. Эти институты обеспечивают кредиты в юанях, способствуют развитию региональной платежной инфраструктуры и формируют доверие к китайской валюте как к надежной расчетной единице.

Расширение регионального экономического присутствия Китая происходит также через экономические проекты в рамках инициативы «Пояс и Путь» (Belt and Road Initiative, BRI). Финансирование инфраструктурных проектов в юанях снижает валютные риски для Китая и партнеров, создавая устойчивую сеть экономических и финансовых связей. Использование национальной валюты в рамках BRI демонстрирует, что интернационализация юаня сочетает экономические и политические функции, обеспечивая одновременно стратегическое влияние и экономические выгоды [Drysdale et al. 2017].

Помимо прямого кредитования и финансирования проектов, Китай активно развивает региональные расчетные и клиринговые механизмы. В Лаосе, Казахстане, Пакистане и Бразилии создаются клиринговые банки, которые позволяют проводить трансграничные расчеты в юанях без привлечения доллара и евро, повышая эффективность расчетов и снижая транзакционные издержки [China International Payments System 2024]. Аналогичным образом Китай подписывает соглашения о своп-линиях с центральными банками соседних стран, обеспечивая ликвидность юаня в региональных расчетах и укрепляя доверие к валюте [Siddiqui 2021].

Региональная интеграция также реализуется через торговые и финансовые инструменты. Китай активно внедряет инициативы по прямым расчетам в юанях, минуя долларовых посредников, включая организацию своп-линий для банков

и создание совместных фондов для кредитования торговых операций. Эти меры способствуют формированию устойчивой сети расчетов, где китайская валюта становится ключевым инструментом финансовой кооперации, а доллар постепенно теряет доминирующее влияние в обслуживании транзакций [Subacchi 2016; Drysdale et al. 2017].

В долгосрочной перспективе формируется система региональной финансовой интеграции, где юань не только выступает средством расчетов, но и инструментом экономического влияния Китая. Такая модель демонстрирует, что интернационализация валюты может быть ориентирована не только на глобальный уровень, но и на региональные ядра, в рамках которых экономическая и политическая интеграция взаимосвязаны. Региональная кооперация в рамках юань-блока создает предпосылки для дальнейшей трансформации мировой финансовой системы, формируя альтернативные центры силы и снижая концентрацию ликвидности исключительно в долларе [Subacchi 2016; Asian Infrastructure Investment Bank 2025; Drysdale et al. 2017; Subramanian, Kessler 2017].

Региональная экспансия юаня сопровождается не только экономическими, но и политическими эффектами. Использование национальной валюты для финансирования инфраструктурных проектов и международной торговли позволяет Китаю усиливать влияние в развивающихся странах, формировать доверие к собственной финансовой системе и постепенно выстраивать многополярную финансовую архитектуру [Drysdale et al. 2017; Siddiqui 2021]. Таким образом, региональные аспекты интернационализации юаня служат важным элементом достижения стратегической цели Китая — укрепления финансового влияния и расширения геополитического присутствия через экономические и финансовые механизмы.

Региональные инициативы вместе с расширением цифровой инфраструктуры и развитием CIPS создают синергетический эффект, укрепляющий доверие к юаню и обеспечивающий постепенное расширение его использования за пределами Китая. Это позволяет формировать долгосрочные модели международного сотрудничества, где национальная валюта выступает центром расчетов и инструментом влияния [China International Payments System 2024; People's Bank of China 2022]. Таким образом, региональное сотрудничество не только способствует интернационализации юаня, но и формирует базу для возможной дальнейшей трансформации мировой финансовой архитектуры, создавая устойчивые альтернативные каналы кредитования и расчетов, менее зависимые от традиционной долларовой системы.

Внедрение цифрового юаня

Стратегическое значение интернационализации юаня становится особенно заметным на фоне глобальной цифровизации финансов [People's Bank of China 2021; People's Bank of China 2022; Siddiqui 2021]. Использование цифрового юаня позволяет проводить мониторинг денежных потоков, повышать прозрачность операций и снижать уровень теневого оборота капитала. В перспективе развитие цифровых валют центральных банков может способствовать формированию новых моделей международных финансовых отношений, в которых контроль государства над де-

нежными потоками и цифровыми активами гораздо выше, чем сегодня. Китай демонстрирует на практике, как интеграция цифровых технологий и традиционной финансовой инфраструктуры может способствовать усилению роли национальной валюты и формированию более технологически интегрированной международной финансовой архитектуры [Siddiqui 2021].

Цифровой юань способствует ускорению расчетов, снижению транзакционных издержек и повышению доверия к валюте [People's Bank of China 2021; People's Bank of China 2022]. Китай активно тестирует e-CNY в двусторонних расчетах с партнерами по инициативе BRI, создавая потенциал для расширения цифровой валютной сети на глобальном уровне [People's Bank of China 2022; Siddiqui 2021]. Эти процессы демонстрируют, что цифровая трансформация становится ключевым инструментом усиления роли национальной валюты в международной финансовой системе и формировании новой инфраструктуры глобальных расчетов, которая потенциально может конкурировать с существующими каналами SWIFT [China International Payments System 2024; People's Bank of China 2022].

Совмещение цифрового юаня с CIPS создает потенциальную основу для формирования новой международной финансовой инфраструктуры, которая частично может конкурировать с традиционными глобальными каналами расчетов [China International Payments System 2024; People's Bank of China 2022]. Объединение офшорных центров, инфраструктуры CIPS, кредитных инициатив и цифровой валюты создает синергетический эффект, способствующий укреплению доверия к юаню и постепенному расширению его использования в международных расчетах [People's Bank of China 2021; People's Bank of China 2022; Siddiqui 2021].

Политическое измерение интернационализации юаня проявляется в укреплении позиций Китая на международной арене. Через продвижение национальной валюты Пекин получает возможность оказывать влияние на финансовые решения других стран, снижать их зависимость от доллара и формировать новые правила игры. Этот процесс особенно заметен в рамках инициативы «Пояс и Путь», где кредиты и торговые операции в юанях создают устойчивую сеть экономических и политических связей [Drysdale et al. 2017]. Юань фактически становится инструментом «мягкой силы», обеспечивая Китаю стратегическое преимущество в отношениях с развивающимися государствами и способствуя формированию альтернативной глобальной финансовой архитектуры [Subacchi 2016; Siddiqui 2021].

Ограничения и вызовы

Несмотря на позитивные тенденции, процесс интернационализации юаня сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, и это, пожалуй, является самым фундаментальным препятствием, финансовые рынки Китая остаются относительно закрытыми: движение капитала строго регулируется, а курс юаня поддерживается Народным банком, что ограничивает свободу международных инвесторов [People's Bank of China 2021; People's Bank of China 2022]. Именно поэтому доля юаня в мировой торговле растет не так быстро, как могла бы, в сравнении с объемом китайской экономики. Контроль осуществляется как за импортом, так и за экспортом капи-

тала. Строгий контроль за вывозом капитала и размещением крупных резервов своей валюты за пределами внутреннего рынка необходим Китаю для регулирования курса юаня, что является одним из основополагающих методов управления китайской экономикой. Неконтролируемый экспорт капитала из Китая может иметь целый ряд негативных последствий для экономики страны, таких как непредсказуемые колебания курса валюты, снижение инвестиционной активности внутри страны, возрастание рисков финансовой нестабильности и рост социальной напряженности. Основная цель Китая, таким образом, всегда заключалась в сохранении выгодного баланса между привлечением иностранного капитала в страну и защитой национального рынка от неблагоприятных воздействий.

Во-вторых, на фоне закрытости внутренних финансовых рынков Китая международные участники проявляют осторожность из-за недостаточной прозрачности и предсказуемости его финансовой системы, включая вопросы корпоративного управления, правового регулирования и доступности информации [Drysedale et al. 2017; People's Bank of China 2022]. В-третьих, сохраняющееся доминирование доллара в мировых резервах ограничивает скорость и масштабы роста международного спроса на китайскую валюту [Eichengreen 2011; International Monetary Fund 2025; Eichengreen et al. 2024]. Эти факторы, а также усиливающиеся геополитические риски создают определенные сложности на пути к полной интернационализации юаня и превращению его в одну из ключевых резервных валют. Впрочем, по мнению некоторых исследователей, даже сохраняющийся контроль за движением капитала в Китае не помешает юаню стать значимой резервной валютой. Юань может поддерживать этот статус благодаря торговым связям Китая, созданным клиринговым и платежным сетям, дающим возможность осуществлять трансграничные транзакции в юанях в самых разных юрисдикциях [Eichengreen et al. 2024].

Китай не форсирует процесс интернационализации своей валюты, а подходит к нему взвешенно и поэтапно, учитывая сложный исторический опыт других стран, сделавших поспешные шаги в направлении открытой экономики и пострадавших от системных кризисов — как, например, Таиланд, Индонезия, Малайзия и др. в 1997 г. Постепенный подход позволяет Китаю оценивать эффективность каждого предпринятого шага и своевременно вносить необходимые коррективы, сохраняя полный контроль над финансовыми ресурсами и обеспечивая макроэкономическую стабильность. Таким образом, осторожный подход к интернационализации юаня позволяет китайскому руководству балансировать между необходимостью модернизации и защитой своих экономических интересов.

Дальнейшие перспективы интернационализации юаня

Перспективы дальнейшего усиления роли юаня в мировой финансовой системе зависят от сочетания политической стабильности Китая, глубины финансовых реформ, масштабов международной интеграции и динамики глобальной экономики. На фоне растущей взаимозависимости государств, цифровизации финансовых инструментов и тенденции к многополярности юань способен постепенно превратиться в один из важнейших элементов международной валютной системы

[Subacchi 2016; Drysdale et al. 2017]. Укрепление позиции китайской валюты в глобальной финансовой архитектуре напрямую связано с развитием стратегических инициатив, таких как «Пояс и Путь», а также с расширением инфраструктуры международных расчетов и кредитования [Asian Infrastructure Investment Bank 2025; Subramanian, Kessler 2017]. Применение юаня в рамках этих проектов снижает валютные риски для Китая и партнеров, способствует росту доверия к валюте и создает условия для формирования устойчивой сети экономических связей, которая постепенно уменьшает роль доллара в расчетах.

Усиление позиции юаня в мировой финансовой системе происходит в условиях постепенного размывания доминирования доллара и роста многополярности [Eichengreen 2011; Eichengreen et al. 2024; Chinn et al. 2024]. Диверсификация валютных резервов центральных банков, увеличение доли национальных валют в расчетах и формирование региональных платежных сетей создают предпосылки для перехода к более сбалансированной финансовой архитектуре. В этом контексте юань рассматривается не только как средство международных расчетов, но и как стратегический инструмент влияния, позволяющий Китаю формировать альтернативные финансовые и политические модели взаимодействия с партнерами [Subacchi 2016; Drysdale et al. 2017].

Сохраняющееся доминирование доллара в мировых резервах и глобальная инерция финансовых систем очевидно выступают сдерживающими факторами для роста глобального использования юаня [Eichengreen 2011; International Monetary Fund 2025; Eichengreen et al. 2024; Chinn et al. 2024]. В этих условиях стратегия Китая направлена на постепенное расширение роли своей валюты через инфраструктурные проекты, региональные соглашения и внедрение цифровых технологий, что позволяет достигать устойчивых результатов без резких рыночных шоков [Asian Infrastructure Investment Bank 2025; Subramanian, Kessler 2017].

Возможные сценарии развития международной роли юаня отражают широкий спектр вероятных траекторий. Оптимистичный сценарий предполагает постепенное усиление позиции юаня, расширение цифровых платежей и интеграцию с международными финансовыми системами, что позволит валюте стать важным элементом многополярной финансовой архитектуры [Subacchi 2016; Siddiqui 2021]. Умеренный сценарий предполагает ограниченный рост участия юаня, когда валюта востребована в основном в Азиатском регионе и среди стран-партнеров по инициативе BRI [Subacchi 2016]. Консервативный сценарий предусматривает сохранение текущей позиции, при которой юань играет региональную роль и ограниченно участвует в международных расчетах [Eichengreen 2011; International Monetary Fund 2025; Eichengreen et al. 2024]. Конкретный сценарий будет определяться сочетанием экономических, финансовых и политических факторов, а также глубиной технологической интеграции и доверия международных участников рынка [Subacchi 2016; Drysdale et al. 2017; Siddiqui 2021].

Таким образом, стратегическое значение юаня в мировой финансовой системе зависит от сочетания экономических, финансовых и политических факторов. Китай активно создает альтернативные институты, развивает инфраструктуру международных расчетов, внедряет цифровые технологии и расширяет географию

использования валюты, одновременно сталкиваясь с ограничениями в конвертируемости, закрытостью финансового рынка и умеренным уровнем доверия со стороны международных участников [Subacchi 2016; Siddiqui 2021]. Перспективы дальнейшего укрепления позиции юаня напрямую связаны с политической стабильностью, глубиной финансовых реформ, масштабом международной интеграции и динамикой глобальной экономики [Subacchi 2016; Drysdale et al. 2017].

Долгосрочные последствия интернационализации юаня для мировой финансовой системы носят многогранный характер. Усиление роли китайской валюты создает предпосылки для формирования более сбалансированной и технологически интегрированной финансовой архитектуры, где ключевые функции распределяются между несколькими валютами, а не сосредоточены исключительно в долларе США. Процесс интернационализации юаня сопровождается ростом международного доверия к китайской экономике и финансовой системе, что, в свою очередь, способствует увеличению объемов международной торговли и кредитования в национальной валюте. Усиление позиции юаня также отражается на формировании региональных валютных блоков, где Китай становится центром экономической и финансовой интеграции, а его валюта выступает основным расчетным инструментом [Asian Infrastructure Investment Bank 2025; Subramanian, Kessler 2017].

Прогнозы развития международной роли юаня указывают на поступательный процесс формирования многополярной финансовой системы, где ключевые валюты распределяют функции резервных инструментов и средств расчетов [Eichengreen 2011; Eichengreen et al. 2024; Chinn et al. 2024]. Усиление позиции китайской валюты в мировой финансовой архитектуре создает условия для снижения концентрации ликвидности в одной валюте, сокращения системных рисков и повышения стабильности глобальной экономики [Eichengreen et al. 2024; International Monetary Fund 2023]. Рост международного использования юаня также стимулирует региональную финансовую интеграцию, расширение инфраструктуры расчетов и кредитования, а цифровая трансформация создает технологическую основу для ускорения этих процессов [People's Bank of China 2021; People's Bank of China 2022; Siddiqui 2021].

Заключение

Интернационализация юаня и развитие цифровой финансовой инфраструктуры Китая отражают стратегическую цель страны — усиление роли национальной валюты и формирование многополярной глобальной финансовой архитектуры. Важнейшим элементом этой стратегии является создание и постепенное расширение международной и региональной финансовой инфраструктуры, привязанной к юаню. Формирование сети клиринговых центров, интеграция с CIPS и развитие офшорных юань-центров повышают ликвидность китайской валюты, снижают зависимость от доллара и создают альтернативные каналы расчетов. Дополнительно расширение валютных своп-линий с центральными банками других стран обеспечивает устойчивость трансграничных операций и закладывает основу для постепенного изменения международных стандартов расчетов и финансирования.

Применение юаня в рамках стратегических инициатив, таких как проекты «Пояс и Путь», позволяет использовать национальную валюту для кредитования и расчетов по инфраструктурным проектам, снижая валютные риски и формируя устойчивую сеть партнеров. Этот процесс укрепляет доверие к юаню как расчетной и резервной валюте на региональном уровне, одновременно расширяя экономическое и политическое влияние Китая.

Развитие цифрового юаня (e-CNY) открывает новые возможности для ускорения расчетов, повышения прозрачности финансовых потоков и снижения транзакционных издержек. Потенциальная интеграция цифровой валюты с международными расчетными системами создает технологическую основу для формирования альтернативной глобальной финансовой инфраструктуры, способной конкурировать с традиционными каналами, включая SWIFT. Совмещение цифровых инструментов, региональных инициатив и международных финансовых институтов создает синергетический эффект, который укрепляет доверие к юаню и способствует постепенному расширению его использования в международных расчетах.

Вместе с тем интернационализация юаня сталкивается с рядом ограничений и рисков. Сохраняющийся контроль за движением капитала и относительная закрытость финансовых рынков ограничивают масштаб и скорость глобальной интеграции валюты. Доллар по-прежнему доминирует в мировых резервах, что замедляет процесс формирования международного спроса на юань. Недостаточная прозрачность финансовой системы, особенности корпоративного управления и регуляторная среда вызывают осторожность у иностранных инвесторов. Геополитические и экономические риски, включая международное напряжение и возможные кризисы, также могут временно ограничивать доверие к китайской валюте.

Стратегический подход Китая к интернационализации юаня характеризуется постепенностью и комплексностью. Сочетание институциональных механизмов, цифровых технологий, региональных проектов и международных инициатив позволяет минимизировать риски и формировать устойчивую модель развития юаня как международной валюты. Усиление его позиций, в свою очередь, создает предпосылки для формирования многополярной финансовой системы, в которой ключевые функции распределяются между несколькими валютами, что снижает концентрацию ликвидности в одной валюте и повышает устойчивость глобальной экономики. Китай в этой новой финансовой системе претендует на роль одного из лидеров.

Библиография

Кузнецов А.В. Валютная политика Китая: вызов гегемонии США? // Финансы и кредит. 2017. №16 (736). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/valyutnaya-politika-kitaya-vyzov-gegemonii-ssha> (дата посещения 17.09.2025).

РБК. В Россельхозбанке оценили долю юаня в торговых сделках России. 2025. 3 сент. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/03/09/2025/68b7c8b19a7947716d3a9ad4>

Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). Annual Report 2025. Режим доступа: <https://www.aiib.org/en/news-events/annual-report/overview/index.html> (дата посещения: 16.09.2025).

BIS. Triennial Central Bank Survey. OTC Foreign Exchange Turnover in April 2025, Monetary and Economic Department. 2025. Режим доступа: https://www.bis.org/statistics/rpfx25_fx.pdf (accessed 13.01.2026)

China International Payments System (CIPS). Annual Report on Cross-Border Interbank Payment System 2024. Режим доступа: <https://www.cips.com.cn> (дата посещения 16.09.2025) (на кит. яз.).

Chinn M.D., Frankel J.A., Ito H. The dollar versus the euro as international reserve currencies // *Journal of International Money and Finance*. 2024. Vol. 146. Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0261560624001104> (дата посещения 17.09.2025).

Drysdale P., Triggs A., Wang J. China's New Role in the International Financial Architecture // *Asian Economic Policy Review*. 2017. Vol. 12. No 2.

Eichengreen B. *Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International Monetary System*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 320 p.

Eichengreen B., Macaire C., Mehl A., Monnet E., Naef A. Currency internationalization with Chinese characteristics: Is capital-account convertibility required for the renminbi to acquire reserve-currency status? // *International Finance*, Wiley Blackwell. 2024. Vol. 27. No 2. P. 102–128. Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/inf.12447> (дата посещения 22.09.2025).

International Monetary Fund (IMF). *Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER)*. 2025. Режим доступа: <https://data.imf.org/en/datasets/IMF.STA%3ACOFER> (дата посещения 16.09.2025).

International Monetary Fund (IMF). *World Economic Outlook: Multilateral Developments and Currency Diversification*. 2023. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO> (дата посещения 16.09.2025).

People's Bank of China. *Progress of Research & Development of e-CNY in China*. 2021. Режим доступа: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf> (дата посещения 17.09.2025).

People's Bank of China. *Theories and Practice of exploring China's e-CNY*. 2022. Режим доступа: <https://www.pbc.gov.cn/en/3935690/3935759/2025080817513071297/index.html> (дата посещения 16.11.2025).

People's Bank of China. *RMB Internationalization Report 2025*. 2025. Режим доступа: <https://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3828468/5624529/2025123116494089198/2025123116480428858.pdf> (дата посещения 13.01.2026).

Siddiqui K. The Bilateral Swap Agreements, Chinese Currency and the Demise of the US Dollar // *World Financial Review*. 2021. September. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/354967881_2021_The_Bilateral_Swap_Agreements_Chinese_Currency_and_the_Demise_of_the_US_Dollar_-_World_Financial_Review (дата посещения 17.09.2025).

Subacchi P. *The People's Money: How China Is Building a Global Currency*. New York: Columbia University Press, 2016. 288 p.

Subramanian A., Kessler M. *The BRICS Bank and the Evolution of Multilateral Finance*. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2017. 132 p.

SWIFT. *Connecting the Global Financial Community: Our Year in Review*. 2024. Режим доступа: <https://www.swift.com/news-events/news/connecting-global-financial-community-our-year-review> (дата посещения: 16.09.2025).